

ПОСВЯТИТЬ СЕБЯ ВЕЛИКОМУ КРАЮ

Творчество Валентина Распутина, лауреата Государственной премии СССР, давно привлекает внимание читателей. Его герои, живущие в Сибири, их мысли и надежды близки и понятны миллионам людей. Своими размышлениями известный писатель делится в беседе с нештатным корреспондентом «Советского Сахалина» Э. МАКСИМОВ-СКИМ.

— Каким представляется вам ваш типичный, скажем даже так — усредненный, читатель?

— У каждого писателя — своя читательская аудитория. Я думаю, что нельзя писать вообще, адресуясь в пространство. Свой читатель у Астафьева, свой читатель у Катаева... Созвучность мыслей — вот что объединяет автора и адресата его произведений. Каким я представляю своего обычного читателя? Как правило, это сибирский, дальневосточный читатель. Мне думается, что это труженик, имеющий большой и нелегкий жизненный опыт, с чувством собственного достоинства. Иногда мне видится его взгляд: такой немного усталый, все понимающий... Легко говорить с таким человеком.

У автора должны быть равноправные отношения — и с героями, и с читателем. Книга обязана произвести определенную работу в душе человека. Займитесь о духовном росте современника, о прибавлении его нравственных ценностей — вот задача писателя. И если благодаря моим книгам в судьбе хотя бы нескольких человек что-то изменилось к лучшему — усилия мои не напрасны, мне есть на что надеяться...

— В последние годы все чаще употребляются термины «писатели-деревенщики», а к ним относят и вас. «Деревенская литература»... А не так давно, помнится, молодежи звучало другое выражение — «индустриальный роман». Как вы относитесь к подобным определениям?

— Нет никакой деревенской литературы, как нет никакой литературы городской. Столь же формально существуют понятия типа «сибирская литература»... Не говорим же мы — литература вологодская, литература вятская! Видно, критики решили облегчить себе работу и все раскидали по ящикам и полочкам... Благодать какая — все расписано, все разложено — вот тебе книга деревенская, вот тебе книга

военная, вот тебе книга городская и тому подобное. Все разнесено по графам, и мы к этому постепенно приучены.

Литературный процесс — это часть социального прогресса. В центре нашей, советской литературы находится человек, его нравственное, духовное состояние, а не орудия его труда. Не подразделяем же мы классическую литературу по месту жительства героев! Не зазорно бы посоветоваться с классиками...

— Сразу же возникает несколько иной вопрос, который, как мне кажется, находится в той же плоскости: а как современный писатель поспевает за научно-техническим прогрессом? Не в том ли одна из причин опережающего успеха «деревенской литературы», что литература городского требует от писателя большего объема инженерных знаний? Был «ЗИС-5» — теперь 120-тонный БелАЗ. Между ними — технологическая эпоха. А земля, тайга, реки, озера, то есть места работы сельского труженика, — они качественно не изменились... Иначе говоря, не возник ли у нынешнего писателя, как правило «гуманитария» по образованию, комплекс научно-технической неполноценности?

— Если у кого и сформировался такой комплекс, так это совершенно напрасно. Он не должен существовать у писателя — комплекс подобной неполноценности. Я даже считаю, что писателю нечего мчаться вдогонку за научно-технической революцией — душу человека не постигнеш с помощью сопромата. Продвижение общества, конечно, связано с прогрессом науки и техники. Гармонически развивать человека — вот к чему мы должны стремиться в ходе научно-технической революции.

Во всем этом разобраться надо, осознать происходящее, осмыслить его. Писателю не за техническим прогрессом надо спешить — за человеком. Человек является мерилом всех достижений...

— Наверное, в пору поинтересоваться вашими мыслями в отношении преобразований в Сибири и на Дальнем Востоке...

— Индустриализация Сибири и Дальнего Востока необходима, исторически неизбежна. Вопрос только в том, чтобы освоение Сибири и Дальнего Востока в некоторых местах не перешло в откровенное растаскивание их кладовых. Этот регион надо осваивать разумно, комплексно, не давая воли ведомственным, отраслевым интересам, не всегда совпадающим с общегосударственными. Только тогда его богатства дадутся не самой дорогой ценой.

И еще один взгляд на проблему, теперь уже литературную. Индустриальные перемены в наших краях огромны. Но скуден по сравнению с ними литературный подросток. Почему это? Ведь даже климат меняется вокруг сибирских индустриальных пирамид, и кажется мне, что также мощно должна развиваться литература, выдвигая все новые имена. Количество писателей, исследующих Сибирь и Дальний Восток, действительно прибавляется. Но все равно их мало, как не достаточно и глубоких, заставляющих думать, книг. Может быть, не сложилась еще, несмотря на все усилия, соответствующая творческая обстановка? Не значит ли это, что, долго дав жизнь множеству оперативных документальных книг, мы не создали достаточную литературную среду для дальнейшего развития художественной литературы?

— А вы, конечно, сторонитесь документального жанра?

— Отчего же? Я сейчас собираю материал для книги о Байкале. Цель работы — пропаганда разумных начал и осуждение потребительства, наносящего вред стране.

— Поскольку мы коснулись ваших свежих замыслов, расскажите о них подробнее...

— Пишу прозу — это будет небольшая повесть из сибирской деревенской жизни. Только приступил, потихоньку я ее напишу. Взялся еще за несколько вещей. Подрабатываю пьесу. Сейчас в театрах идут мои инсценировки по повестям «Живи и помни», «Деньги для Марии», «Последний срок». Теперь решил свою новую работу сразу адресовать театру. Попытка эта первая, что полу-

чится, не знаю. Видимо, пьесу скоро закончу...

— Люди, знающие вашу творческую «кухню», рассказывают о необычности вашего метода работы...

— Чего уж там необычного? Каждый пишет как удобнее. Я пишу остро отточенным карандашом, очень мелко, настолько мелко, что никто другой не в состоянии разобрать написанный текст. Это не мажорничанье — привычка. Такой «метод», из-за которого я почти испортил глаза, помогает мне сосредоточиться, уйти в материал... Новую вещь я обычно начинаю трудно, пишу по полстранички в день. Где-то к середине, когда линия повествования выстраивается, дело идет живее...

— Недавно, когда вы находились в поездке по Венгрии, Центральное телевидение вновь показало ваш фильм «Урок французского». А гот премьеру давно ожидаемой картины «Прощание с Матерой» несколько задержалась...

— Съемки начинала Лариса Шепитько — она трагически погибла в автокатастрофе. Мне помнятся беседы с ней, которые вдохновили меня, убедили в том, что моя повесть пошла режиссеру с особым видением мира... После долгого перерыва работа над фильмом продолжена. Творческая группа во главе с режиссером Э. Климовым, человеком одаренным, сейчас завершает съемки. Недавно в Москве я смотрел часть проявленного материала. Он мне показался интересным. Надеюсь, что скоро будет премьера.

— Если бы вы не стали писателем, то кем бы вы могли стать, учитывая ход ваших мыслей?

— Лесником. Нет нигде лучшей творческой обстановки, чем в лесу... Я человек такой — люблю бывать в одиночестве. Согласен на любые дефициты лесных шумов. Впрочем, и в лесу меня одолевала бы забота и хлопоты моих литературных героев...

— Ваши литературные герои — сибиряки...

— Рамки географии — отнюдь не рамки творчества. Посвятить себя великому краю — это тоже смысл жизни...

1981 г. 8 янв 1981

Южно-Сахалинск